

Милютин Александр

Заповедник ностальгии

Фантастический рассказ

Здесь все по-прежнему. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что это место не должно исчезнуть. Люди должны помнить, что было до того, как пробил час «Икс» и вся их жизнь кардинальным образом изменилась. Но это одновременно и плохо, потому что кладбище остаётся кладбищем – среди этого заповедника былого никогда больше не раздастся детский смех, не проедет, урча мотором, машина, не зазвучит на дальней лавочке гитара, и никто не будет звать рано утром свою кошку.

Кошки, кстати, тут есть. Неизвестно, реальные ли это потомки тех самых животных, что жили в этом дворе в те времена, или пришлые. Неизвестно, как они добывают себе пропитание. Но они есть и на вид вполне бодрые. В отличие от собак, которые, в свое время, сбившись в стаи, ушли куда-то прочь из городов. Впрочем, конечно же, о них позаботились.

Пятиэтажки, памятные с ранних лет... Пустые. Брошенные. Одинокие.

Я прохожу через двор, очень похожий на тот, в котором прошло мое детство. Песочница с покосившимся грибком. Перекладина для выбивания ковров. Лавочки под разросшимися кустами сирени. В вышине на фоне серого осеннего неба кружит голубиная стая. Как и тогда. Была, кстати, какая-то старинная песня про крыши и голубей... Весьма уместная сейчас. Впрочем, не вспомнить...

Я ступаю по разбитому асфальту, который так редко латали во дворах, вечно не находя на это денег в бюджете. Сейчас в прорехах выросла трава, подчеркивая, что на это место опустился полог забвения. Машина на спущенных колесах провожает меня взглядом мутных глаз-фар. Я притормаживаю, пытаюсь определить марку по эмблеме на ржавой решетке радиатора. Трёхлучевая звезда в круге. «Мерседес». Наверняка предмет гордости своего владельца в том, прежнем, мире. Исчезнувшем мире. Увы, я не успел получить права и вкусить прелести асфальтовых дорог. Мне довелось управлять другими машинами, менее... романтичными. Но все равно, тачка со старым добрым двигателем внутреннего сгорания – это ностальгия в чистом виде.

Прощальный взгляд на ветровое стекло, залепленное палыми листьями, и я иду дальше.

Подъезд встречает меня тусклым светильником на первом этаже. Надо же! Кто-то умудрился раздобыть лампочку накаливания и не пожалел сил и времени приладить ее в затянутый паутиной патрон. Почтовые ящики частично разворочены, но я все равно притормаживаю напротив них. Анахронизм... Артефакт иного существования. Однако в памяти удивительно легко всплывает запах свежей типографской краски и то чувство радости, когда в овальных прорезях железной коробочки обнаруживался ежемесячный цветной детский журнал. А еще я хорошо помню, как приходили письма от бабушки...

Больше никто на свете не пишет бумажных писем.

По сути, нет никакой разницы, какое здание выбрать, в какую квартиру зайти. Реальный дом и реальный двор, где прошло мое детство, посетить уже не получится – нет его больше, стерт с лица земли и на его месте теперь плещется пруд с лилиями. Но это место очень похоже... А к одной квартирке я даже привязался...

Третий этаж. Номер сорок четыре. Металлические цифры прикручены ржавыми шурупами к дерматиновой обивке, исцарапанной внизу кошкой или собакой. Входная дверь естественно не заперта.

Я захожу.

Планировка самой обычной «двушки» до боли знакома. Детство я провел именно в такой. Маленькая кухня с линолеумом «под паркет». Совмещенный санузел, облепленный

квадратиками розового кафеля. Смежные комнаты. В большой – блеклые бежевые обои с коричневатыми узорами, красно-зеленый ковер. На окнах выцветшие шторы и желтого оттенка тюль. В маленькой комнатке на стенах обои с мультяшными героями и люстра с божьими коровками. Стало быть, детская...

Мебель на месте. Диван, сервант, телевизор, холодильник... И все другие вещи тоже.

Можно было бы сказать, что обитатели квартиры собирались впопыхах и забрали отсюда только самое важное. Можно предположить, что хозяева просто однажды вышли за порог и больше сюда не вернулись. На это намекают одежда в шкафу, бижутерия и косметика, разбросанные на трюмо, фотографии в рамках на стенах, посуда на кухонном столе...

Но на самом деле все не так. Скорее всего, над квартирой поработали, превратив ее в музей. Над всеми квартирами во всех домах. Или это у меня уже паранойя?

Я смотрю на фотографии на стенах. Если отбросить иногда приходящие безумные мысли о том, что весь заповедник – это одна сплошная иллюзия, тут жила семья. Мама, папа и девочка Аня. Имя я узнал на обороте одной из фотографий, вставленных в рамку. Имя, а также то, что Анна – моя ровесница. Веснушчатая девчонка с озорными хвостиками в нарядном платье на снимке серьезным взглядом смотрит в объектив фотографа. Живущая еще своей старой жизнью и не представляющая, какие перемены ждут ее и ее семью в самом ближайшем будущем.

Кто знает, мы могли даже встречаться в детстве, ведь жили мы в одном городе, от которого теперь, впрочем, мало что осталось. Я не раз задавался вопросом – где сейчас эта девчонка, выросшая и превратившаяся в настоящую женщину. Знает ли она, что ее квартира уцелела? Вспоминает ли о той, прежней жизни, канувшей в никуда? Живы ли еще ее родители? Стала ли она сама мамой?

Возможно, живет где-то и не собирается ворошить прошлое, не желая, чтобы воспоминания мешали жить по-новому. Таких людей много. Очень много. Не могу сказать, что я их понимаю, но не осуждаю – это точно. Кто я такой чтобы кого-то судить? У каждого своя жизнь. Каждый так или иначе влился в новое общество. Каждый приспособился жить в новоиспеченном мире по-своему. Обрубив все концы с прошлым, или как я – не способные долго прожить без пилюли ностальгии.

Не исключено, Анна каждый день мечтает вернуться сюда, повидать застывшее прошлое хоть одним глазочком, да все не получается. Или навевается, просто мы никогда не пересекались. Не сводила нас судьба и всего делов-то.

Неожиданная идея посещает мой взбудораженный ретро-обстановкой мозг. Я направляюсь в детскую и нахожу в ящике стола среди пыльных бумаг, линеек и прочегохлама огрызок простого карандаша.

«Аня, где ты? Я скучаю» – пишу я на обоях рядом с портретом. Чтобы было заметнее, я жму на карандаш, и на последнем слове грифель ломается. Но кое-как я все-таки вывожу подпись: «Твой дом».

Шуршание на подоконнике. Голубь. Делаю шаг в его сторону и он улетает, отвыкший от присутствия рядом с ним людей. Я подхожу к окну и смотрю через грязное стекло на пустынный осенний двор, обрамленный с двух сторон такими же старыми домами, как и тот, в котором я нахожусь. С третьей стороны жмутся друг к другу несколько ржавых металлических гаражей. Сквозь прорехи в желтом одеянии разросшихся за эти годы деревьев видна детская площадка и трансформаторная будка. Пейзаж дополняет пара непрезентабельных автомобилей вроде того «мерседеса».

Этот вид... В нем нет ничего такого. Я видел сотни мест интереснее и прекраснее по всему свету, но почему-то именно здесь я чувствую связь и со своими соотечественниками, и с своей землей, и со своей эпохой. Странно это, наверное...

Я прохожу в дальнюю комнату, оглядываюсь на свои следы на пыльном полу. На самом деле пыли значительно меньше, чем можно ожидать. На ковре ее и вовсе не видно. В любом случае от аллергии, как и от некоторых других болячек, я давно избавился, поэтому, не задумываясь, опускаюсь на пол, ложусь на спину и закрываю глаза.

Еще один ритуал...

Голоса и звуки.

Я до сих пор не знаю, откуда они берутся, по какой причине возникают. Призраки ли это самого дома, или специальная установка спрятана где-то здесь среди старой мебели, а может все дело в моем перевозбужденном воображении. Не знаю... Но уже через несколько минут расслабленного ожидания я начинаю слышать, как где-то звучит телевизор, транслируя хоккейный матч, как соседи сверху о чем-то спорят, а в квартире слева, за стеной плачет ребенок. У кого-то из соседей пиликает радиоприемник, транслируя сигналы точного времени. Неразличимое бормотанье в итоге заканчивается основательно забытой уже фразой «В Петропавловске-Камчатском – полночь», прозвучавшей в воцарившейся неожиданно тишине. Потом снова возвращается какой-то шум: гудят трубы, где-то весьма безобразно звучит пианино, кто-то включает дрель, у кого-то разбивается чашка или тарелка. Звуки и голоса сливаются в одну странную симфонию, симфонию родного живого дома.

Какое-то время я живу в ней, представляя себя маленьким мальчиком, оставленным дома родителями. Потом иллюзия рассеивается. Я вздыхаю, открываю глаза, и звуки плавно стихают.

Все. Мне пора.

Сколько бы я не приходил сюда, ничего не изменится. Ни в целом мире, ни в моей жизни. Наш путь увел нас, людей, к другой философии, к другому мировосприятию, к иному пониманию жизни. Это произошло быстро, некоторые не справились со свалившимися на голову переменами, поэтому нити, связывающие нас с прошлым необходимы.

Поэтому таким заповедникам ностальгии – быть!

Я вновь иду по двору, вдыхая тишину и аромат влажной осени. Навстречу попадется такой же страждущий по пилюле ностальгии, как и я. Темные брюки и серый плащ. Натянутая по самые брови старомодная шляпа. Почему-то для визита сюда все наряжаются именно так – в строгое и неприметное. Впрочем, именно так и принято ходить на кладбище.

Я киваю ему в знак приветствия. Он отвечает таким же сдержанным жестом. Мы – паломники – редко разговариваем и еще реже собираемся в компании. У каждого свой маршрут, свои предпочтения, свои мотивы. У каждого своя тоска и боль, в конце концов.

Уже на выходе замечаю еще посетителей. Пожилая пара сидит у крайнего дома на скамейке. Похоже, дама плачет, а ее спутник утешает ее. Меня они не видят. Да, пожилым труднее всего. Многие держались за свои дома и квартиры до последнего, проявляя невиданной силы упрямство, нелогичное, но очень человеческое. Однако их демарши были тщетны. Разогнанную до безумной скорости машину прогресса было не остановить.

У ворот я бросаю прощальный взгляд назад, на памятник прошедшей эпохи, на заповедник ностальгии, на кусочек настоящей Родины.

Живи! Держись! И передавай привет Анне.

Серая дорожка из современного полимерного материала ведет меня через зеленый луг, усеянный желтым бисером цветущих одуванчиков, наплевавших на свой прежний график цветения. Трудно поверить, что когда-то на этом месте шумел рынок, и дымка смога поднималась над шестиполосной автострадой. Трудно поверить, что там, где стоит сейчас на парковке мой элегантный антиграв, располагался завод по производству стройматериалов, регулярно испускающий в небо белесый зловонный дым. Невероятно, но на месте моего последнего проживания теперь радуют глаз безупречные овальные формы тропического аквапарка, а придорожный комплекс с бензоколонкой и авторемонтными мастерскими, мимо которых я каждый день мотался на работу, сменился на сорокаэтажный небоскреб с представительством орктаркцев.

Орктаркцы. Это все они!

Они пришли издалека, из глубин космоса. Немногочисленная высокоразвитая цивилизация, утратившая в результате катастрофы свой мир. Они были добры и мудры. Они принесли нам счастье. Они не пришли завоевывать, как любили показывать когда-то в старых фильмах. Нам не пришлось делить пространство и ресурсы. Привыкшие к высокому атмосферному давлению, они могли комфортно жить лишь в глубинах океана, там, куда человек не опустился бы еще сотни лет, если бы вообще опустился. Там они построили с

нашего разрешения свои города и стали добывать некоторые необходимые им ископаемые. А взамен пришельцы дали нам сполна испить из райской чаши старших братьев по разуму.

Энергетические установки. Мощные и безопасные. Лечение всех болезней. Дешевая, практически бесплатная, пища с подводных плантаций. Корректировка погоды. Принципиально новые средства связи и транспорт.

Военные программы были свернуты. Опасные производства – закрыты. Нефть стала не нужна. На месте дымящих заводов возникли парки и сады. Пришельцы помогли нам очистить планету от мусора, восстановить исчезнувшие виды флоры и фауны. Вернее даже... Они все сделали за нас. И трудолюбия им было не занимать.

Причем, на все это не понадобилось тысячелетий. Всего лишь одно поколение... И новый мир, новая жизнь предстала перед нами. Жить стало возможно хоть на северном полюсе, хоть в пустыне. Экологически чистый дом, скромный, но красивый и со всеми удобствами, с климатической установкой и автоматически пополняемым холодильником, мог позволить себе практически любой приносящий пользу обществу индивидуум. Проблем с транспортом не было. Быстрый и безопасный антиграв стоял у каждого крыльца, а при склонности к аэрофобии можно было воспользоваться реактивным подземным экспрессом.

Старые города стали не нужны. Люди осваивали новые пространства, путешествовали. Утратив необходимость все силы отдавать на банальное обеспечение основ жизнедеятельности, они занимались тем, что нравится. Мир преобразился. Планета преобразилась. Не все было гладко. Местами люди не доверяли пришельцам, не хотели ничего менять в своей жизни, особенно в сытой Европе. Сильно противились стоящие «у руля», опасаясь потерять власть и богатство. Но перемены было уже не остановить. Пришельцы на деле доказали свои добрые намерения и люди им в итоге поверили. Человечество получило то, на что не могло и надеяться – достаток, полную свободу, возможность творческой реализации. Драться и соперничать стало бессмысленно. Армия была окончательно распущена. Миллионные арсеналы оружия, хоть и неохотно, но уничтожены. Мир во всем мире перестал быть только лозунгом.

В общем, благодаря пришельцам настал золотой век человечества...

Я забираюсь в мягкое и удобное кресло моего любимого антиграва и включаю автопилот.

«Укажите конечную точку маршрута» – просит бортовой компьютер.

«Домой» – говорю я.

«Требуется уточнение. Пометкой «дом» обозначены три объекта»

Ах, ну да, не все так просто. У меня есть бунгало на берегу озера Лох-Тэй в Шотландии, есть изба на перевале Салаирского кряжа на Алтае и плавучий коттедж, пришвартованный в Сиднейской бухте.

«Нет, давай так. Изменение в базе. Номер один – Деревня. Номер два – Перевал. Номер три – Баржа. А в номер ноль забей эти координаты и подпиши: «Дом».

Проекция картинка пустого городского квартала висела в воздухе перед двумя пришельцами. Только что по дорожке между двумя домами там прошел человек. Дошел до ворот, оглянулся, несколько секунд постоял так вполборота и вышел.

– Странные все-таки они, эти люди! Мы дали им все. Избавили от войн, насилия, голода, эпидемий. Восстановили экологию. Они могли бы начать историю своей планеты с чистого листа и оставить все ошибки в прошлом, но они так цепляются за свою память...

– Ну... Заповедники посещает не больше восьми процентов населения.

– А места захоронений своих предков больше трети. А каждый второй оставил что-то на память из прежней жизни – одежду, памятные знаки, подарки, сделанные родственниками. И девять из десяти землян хранят семейные фото и видео материалы.

– Да, мы в отличие от них несентиментальны.

– Именно. Если бы наша цивилизация была привязана к своему прошлому подобно земной, и нас так же ограничивали сонмы национальных обычаев и традиций, боюсь, мы бы даже за пределы своей планетной системы не вышли. Сидели бы сейчас на нашей

прародительнице рядом с усыпальницами и саркофагами предков в ожидании окончательного угасания Орктаркса.

– Может быть, мы в своем стремлении вперед утратили что-то важное?

– Но мы ничего не забыли. Вся история нашей цивилизации задокументирована. Все открытия, все изобретения, все генеалогические данные. И все доступно. В любой момент. Для любого из нас.

– Значит, нам нечему учиться у землян?

– Уверен, что нет. По крайней мере, пока.

Один из пришельцев поднялся.

– Мне пора. Нужно слетать на полюс проверить геотермальную установку.

– Конечно. Успешного пути!

Оставшись в одиночестве, второй пришелец какое-то время сидел в задумчивости. Затем достал из пазушного кармана лиловый кристалл, в середине которого засветилось дрожащее изображение. Кустарно закачанная в камень голограмма была не очень хорошего качества, но смотрящий на нее гуманоид прекрасно различал в ней знакомые черты сестры, погибшей во время метеоритной разведки по пути на эту поистине райскую планету.

Он еще долго смотрел в кристалл затуманенным взглядом лунно-белых глаз, бродя аллеями своих собственных воспоминаний, а в это время на улицах заповедника на ветру кружились в траурном танце желтые листья.

1-9 ноября 2011 г.